

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ПЛОДОИЗГНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

© 2019 **Финогентова Ольга Евгеньевна**

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института
Балтийский Федеральный университета им И. Канта, Россия, Калининград
E-mail: finogentovaoe@mail.ru

© 2019 **Воронина Галина Александровна**

доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины и английский язык»
Каспийский институт морского и речного транспорта
филиал ФГБОУ ВО «ВГУВТ», Россия, Астрахань
E-mail: gavoronina@mail.ru

В данной статье авторами анализируется ответственность за преступное плодоемление в России в период XVIII – первой половине XIX века. Опираясь на анализ различных нормативно правовых актов, регулирующих ответственность за данный состав преступления, авторами делаются выводы о том, что: в указанный период четкая система правовых норм об ответственности за изгнание плода отсутствовала, плодоемление не считалось отдельным составом преступления, а приравнивалось к детоубийству.

Ключевые слова: плодоемление, плодоемление, смертная казнь, квалифицированный вид преступления, епитимья, уголовная ответственность, детоубийство.

Наша богатая и сложная история во многом влияет на те процессы, которые происходят в современном российском обществе. Исследование богатого российского исторического правового опыта позволяет исследователям по-новому взглянуть на многие существующие проблемы. Анализ эволюции мер правового регулирования тех или иных отраслей права дореволюционного российского законодательства, позволяет нам глубже понять не только логику их развития, но и их влияние на формирование российской правовой системы. В связи с этим, всестороннее изучение нашего богатого исторического наследия по-прежнему, остается востребованным и актуальным.

Стоящая перед современным российским законодателем проблема совершенствования современного уголовного законодательства, приводит к необходимости проведения историко-правовых исследований, которые помогают осмыслить гигантский предыдущий правовой опыт России

К сожалению, в настоящий момент, как и в дореволюционной России, в Российской Федерации крайне актуальной остается проблема искусственного прерывания беременности. Для современной России данная проблема несет

крайне высокие риски поскольку связана с серьезными репродуктивными потерями, материнской смертностью дальнейшим бесплодием. По статистическим данным на 2014 год смерть возникшая в результате осложнений от искусственного прерывания беременности в Российской Федерации составляла 6,3 случая на 100 тыс абортот, что в 10 раз превышало аналогичный показатель, характерный для стран Западной Европы и Северной Америки, что составляло около 25% от совокупного показателя материнской смертности [18].

В последние годы благодаря проводимым в России реформам произошли некоторые позитивные сдвиги, проявляющиеся в увеличении рождаемости, снижении материнской и младенческой смертности, сокращении количества абортот. Так, вице-премьер Татьяна Голикова сообщила что: «число абортот в России с начала 2000-х годов уменьшилось более чем в три раза. Она отметила, что если в начале 2000-х в стране было прервано 2,13 миллиона беременностей, и эта проблема «стояла остро», то в 2018 году их было уже менее 600 тысяч без учета абортот по медицинским показаниям» [22].

Вместе с тем, в настоящее время, отмечается формирование нового типа репродуктивного

поведения населения, связанного с демографическим переходом к малодетной семье. В «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [17] особо подчеркивается, что проведение демографической политики должно основываться на систематизации теоретических и практических исследований в области репродукции населения страны с переходом к всесторонним, комплексным исследованиям не только теории, но и истории проблемы и отдельных ее аспектов.

Данная проблема всегда рассматривалась обществом с нескольких позиций. При этом зачастую медицинский и правовой аспект отходили на второй план, а на первый план выходили проблемы морали и нравственности.

С религиозной точки зрения, вне зависимости от конфессиональной принадлежности данное действие всегда считалось преступным, а женщина его совершившая считалась убийцей, которая преступила закон не только божеский, но и человеческий. «Женщина, учинившая выкидыш, есть суть убийца и даст ответ перед Богом. Ибо... зародыш в утробе есть живое существо, о коем печется Господь». писал во II веке апологет христианской мысли Афинагор [21]. Русская православная Церковь на современном этапе продолжает поддерживать эту точку зрения, в настоящий момент ей разработан проект документа «О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия» котором требуется закрепить права эмбриона на жизнь на законодательном уровне и запретить аборт [26].

В российской дореволюционной юридической науке для обозначения аборта использовался термин плодоизгнание, плодоистребление. В дореволюционной России плодоизгнание или плодоистребление всегда считалось преступным деянием такое отношение к данному действию было напрямую связано с религиозными воззрениями: в Ветхом Завете признается существование человека с момента зачатия (напр., Быт. 25:22). Библейские тексты говорят о важных духовных событиях, которые совершались в жизни святых царя Давида, пророка Исаии и Иеремии «от утробы», указывая на то, что во время внутриутробного развития благодать Божия действует на человека. Нерожденные дети уже известны Богу и любимы Им [26]. Таким образом, с точки зрения Русской Православной Церкви намеренное истребление плода являлось тяжким грехом.

В XVIII — начале XIX века продолжало действовать Соборное Уложение 1649 года [1] и принятые в 1669 году Новоуказные статьи о разбойных, татевных делах и убийствах [3, с. 796]. Некоторые указанные положения Соборного уложения утратили свое значение только с изданием свода законов (изд. 1832 г., 1842 г.). Свод законов хотя и упоминает в числе «особенных видов смертоубийства» «чадоубийство» и «детоубийство», понимая под последним «убийство детей в утробе матери», но по наказуемости приравнивает эти случаи к обыкновенному убийству, постановляя общим образом, что особенные виды смертоубийства подлежат тем же наказаниям, какие положены за смертоубийство вообще [23, с. 14].

В данный период отсутствовала четкая система правовых норм об ответственности за изгнание плода. Мы согласны сточкой зрения Бабичева А.Г. считающего, что прерывание беременности на любом сроке не ограничивалось от убийства новорожденных детей и входило в понятие детоубийства, «которое также долгое время считалось грехом, а не преступлением» [20, с. 103].

Ввиду отсутствия норм, непосредственно регулирующих прерывание беременности, можно предположить, что сам плод еще не воспринимался как личность, а отнесение убийства незаконнорожденного ребенка к квалифицированным видам убийства имело главной целью преследование незаконного сожительства и блуда и лишь затем самого факта лишения жизни младенца [24, с. 53]. По мнению А. Д. Любавского, это было сделано «с целью воспитания нравственности народа» [25, с. 19].

Выявляя причины детоубийства К. Анучин подчеркивал, что: «невыгодность условий общественного положения женщины, а не физиологические особенности ее организации — вот, в частности, причина детоубийства когда вся вина незаконной половой связи падает на женщину» [19, с. 32].

Нормы уголовного права об убийстве (а плодоизгнание в данный период рассматривалось как убийство и не выделялось в разряд самостоятельного вида преступлений) были рассредоточены по отдельным законодательным актам [См. напр. 6, 9].

В XVIII — первой половине XIX вв. принимались также акты, которые были призваны способствовать борьбе с антисоциальными яв-

лениями, такими как: разгульный образ жизни, прелюбодеяние и т.д. Законодатель уделял достаточное внимание данным проблемам, так в Инструкции старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха московского Адриана от 22 декабря 1697 г. в статьях 29 по 33 прямо указывается на то, что вдова или девка, прижившая незаконного ребенка, а также их сожитель должны быть сосланы в монастырь на месяц на монастырские труды. При этом сожителя предписывалось «бить шелопами нещадно», роженицы от физического наказания были освобождены, но их предписывалось через сорок дней отправить в монастырь на покаяние [2, с. 418; 11, с. 129; 8, с. 569].

Также в данный период можно выделить законодательные акты, направленные на защиту беременных женщин [7, с. 539], новорожденных детей, прижитых в блуде [5] и др. Так, вышедший 9 апреля 1785 г Указ сенатский «Об освидетельствовании служанок, подозреваемых в беременности, через повивальную бабку и о непринуждении до воследования родов к тяжелой работе», был принят на основании Решения Ровельской палаты Уголовного суда по делу девки Елло, осужденной к битию кнутом, вместо смертной казни за убийство новорожденного младенца, при исследовании обстоятельств дела выяснилось, что плод погиб в утробе матери в связи с поднятием ей тяжести. В связи с чем, Сенат постановил впредь, если будет установлено, что служанка беременна,» в том известить кого надобно, и с этого времени, следуя человеколюбию, не обременять тяжкою работаю.» [14, с. 334]

В нормах Воинского устава 1716 г. [6, с. 204], как и в названных выше законодательных актах, отсутствует такой самостоятельный вид преступления как плодозгнание, поэтому следует рассматривать нормы об убийстве детей. Согласно артикулу 163 Воинского устава, за убийство «дитя во младенчестве» следовало колесование и наказание мечем. Однако на избранную меру наказания влияло наличие умысла причинения смерти младенцу. В частности, в толковании артикула 163 указано: «Если сие убийство учинится ненаочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто хотел жену свою или дитя наказать, и ее так жестоко побьет, что от того умрет, то наказание легче бывает». Однако, если у убийцы отсутствовало намерение причинить смерть, то предусматривался более легкий вид наказания — наказание мечем. Артикул воинский определял,

как поступать с тем, кто очреватил девку (артикул 176) — за это предусматривалась тюрьма и церковное покаяние. Такое же положение было подтверждено позже и в Морском уставе [9, с. 78].

Стремление избавиться от беременности вызвано было суровыми видами наказания за незаконное прижитие детей. Так, в Уставе воинском 1716 года в главе XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» предусмотрена ответственность за прелюбодеяние замужней с женатым (наказание назначалось в зависимости от вины их); прелюбодеяние женатого (замужней) с незамужней (неженатым) предполагало для последнего наказание шпицрутеном и оставлением от полка, или посылкой на каторгу на время. В ранее принятых актах также предусматривалась за такое деяние наказание, ответственности подвергались как женщина, родившая «беззаконного» ребенка, так и мужчина, с которым она ребенка прижила [2, с. 418].

Также закон боролся с праздным образом жизни, который вызывал к жизни проституцию, что влекло также к преступному плодозгнанию. Так, в Пунктах, данных С.Петербургскому генерал-полейцмейстеру, сказано: «Все подозрительные дома, а также шинки, зернь, картежная игра и другие похабства, и о таких дворах подавать изветы или явки; и все велеть досматривать, дабы все таковые мерзости, от чего всякое зло и лихо происходит, были испровергнуты» [8, с. 718]. Аналогичные положения о подозрительных домах содержались и в Наказе губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать от 12 сентября 1728 года [10, с. 111]. В частности, к подозрительным домам, которые следовало устранить, были отнесены согласно п.46 названного наказа: «корчемные дома, блядские дома и другие похабства». Всех вдов и девок, ведущих праздный образ жизни и избалованных в непорядочных поступках, закон устанавливал ссылать на поселение [11, с. 129], приписывать в Мануфактур-контору [13, с. 318].

Таким образом, прижитый в незаконных связях ребенок мог повлечь за собой суровое наказание для его родителей. По нашему мнению, такое положение дел в большей степени привело к возникновению таких преступных деяний как криминальные аборты и убийства новорожденных в период становления российской империи.

Тем не менее, государство оказывало попечение незаконнорожденным детям. Об этом го-

ворит именной указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквях госпиталей для приему и содержания незаконнорождаемых детей» [5, с. 181]. В частности, указ повелевал создание в Москве и других городах при церквях госпитали для незаконнорожденных новорожденных детей, ввиду того, что частыми были случаи их умерщвления и «отметывания в разные места», от чего они и умирали. Родивших женам и девкам предписывалось относить таких детей в означенные госпитали тайно, чтобы лица их не было видно. Если же такую жену или девку уличат в умерщвлении младенца, то за данное преступление предусматривалась суровая мера наказания — казнь. К концу XVIII столетия были приняты указы о передаче в воспитательные дома младенцев, подкидываемых частным лицам [12, с. 209].

В данный период отсутствовала четкая система норм об изгнании плода. Прерывание беременности на любом сроке не ограничивалось от убийства новорожденных детей и входило в понятие детоубийства, которое также долгое время считалось грехом, а не преступлением. В

Российской империи на истребление плода распространялись нормы Соборного Уложения 1649 года об убийстве новорожденного «незаконно прижитого» младенца, либо нормы об убийстве родителями своих законных детей.

Норм, которые бы непосредственно регулировали прерывание беременности не существовало, плод не воспринимался как личность, а отнесение убийства незаконнорожденного ребенка к квалифицированным видам убийства имело главной целью преследование незаконного сожительства и блуда и лишь затем самого факта лишения жизни младенца [24, с. 53]. В этот период по поручению императора неоднократно осуществлялись попытки систематизировать имеющиеся правовые нормы, заменить устаревшие на новые, о чем и издавались соответствующие именные указы [4, с. 14; 15, с. 258; 16, с. 160], так как нормы уголовного права об убийстве (а плодоизгнание в данный период рассматривалось как убийство и не выделялось в разряд самостоятельного вида преступлений) были сосредоточены по отдельным законодательным актам [См, напр. 6,9].

Библиографический список

1. Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649–1675 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.
2. Инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха московского Адриана от 22 декабря 1697 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. № 1612. Чт 29–33.
3. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том I. № 431. ст 101.
4. Именной указ от 18 февраля 1700 г. «О заседании в государевых палатах боярам для учинения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. IV. № 1765.
5. Именной указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквях госпиталей для приему и содержания незаконнорождаемых детей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 2953.
6. Воинский устав от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 3006.
7. Именной указ от 7 февраля 1718 г. «О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 3154.
8. Пункты, данные С. Петербургскому Генерал-полейцмейстеру от 25 мая 1718 г. «О смотре, чтобы строительство домов происходило по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах; о подозрительных домах, о гулящих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульчиков, в каждой слободе или улице старост и при каждых десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина и звания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 3203.
9. Морской устав от 15 января 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. № 3485.

10. Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать, от 12 сентября 1728 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VIII. № 5333. Ст. 46.
11. Именной указ, объявленный Генерал-полейцмейстером Чичериным от 4 мая 1765 г. «Об отсылке вдов и девок за праздность и беспорядочное поведение на поселение в надлежащие места за караулом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. № 12391.
12. Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. № 13554.
13. Указ сенатский от 30 сентября 1771 г. «О безоговорочном принятии на фабрики в работу непотребных девок, присылаемых из Главной полиции в Мануфактур-конттору» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. № 13664.
14. Указ сенатский от 9 апреля 1785 г. «Об овидетельствовании служанок, подозреваемых в беременности, через повивальную бабку и о непринуждении до воспоследования родов к тяжелой работе» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 16.178.
15. Именной указ, объявленный Сенату генерал-прокурором от 30 декабря 1796 г. «Об именовании Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения: Комиссией для составления законов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том XXIV. № 17697.
16. Именной указ, данный Сенату от 28 февраля 1804 г. «О преобразовании комиссии составления законов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том XXVIII. № 21.187.
17. Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» СПС Консультант Плюс.
18. Министерство здравоохранения и социального развития РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru> (дата обращения: 03.02.2014)
19. *Анучин Е.Н.* Исследование о проценте ссылаемых в Сибирь в период 1827–1846 годов. С.-Петербург, Типография Майкова, 1873.
20. *Бабичев А.Г.* Историческое становление Российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4. С. 99–105.
21. *Беляева Е.В.* Право на жизнь в свете мировых религий. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65706-pravo-zhizn-svete-mirovykh-religij> (дата обращения: 03.11.2019)
22. В России снизилось число аборт. 5 июля 2019. lenta.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа <https://obzor.city/news/602532>. (дата обращения 04.11.2019).
23. *Воровитинов М.М.* Детоубийство в уголовном праве. СПб., 1905.
24. *Воронина Г.А.* Вопрос о преступности деяния при намеренном прерывании беременности в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 1. С. 53–55
25. *Любавский А.Д.* О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1–29
26. Проект документа «О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия». [Электронный ресурс] — Режим доступа <http://www.patriarchia.ru/db/text/5459449.html> (дата обращения: 03.11.2019).